

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Р.И. Капелюшников

СОБСТВЕННОСТЬ БЕЗ ЛЕГИТИМНОСТИ?

Препринт WP3/2008/03

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
ГУ ВШЭ
2008

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников Р.И. *Собственность без легитимности?*: Препринт WP3/2008/03. — М.: ГУ ВШЭ, 2008. — 40 с.

В работе анализируется проблема легитимации результатов приватизации и дается критическая оценка разнообразным политическим рецептам, предлагаемым для ее решения. Автор выделяет два различных типа нелегитимности собственности — «сфокусированный» и «размытый». Анализ показывает, что ситуация «размытой нелегитимности», сложившаяся в России, не является абсолютным препятствием для успешного экономического развития, а представляет собой институциональную родовую травму, которой не удалось избежать ни одной из постсоциалистических стран и которая может быть преодолена путем постепенного приближения экономических взаимоотношений между крупными собственниками и остальными членами общества к принципам fair play.

УДК 330.341.2
ББК 65.01

Kapelyushnikov R. Ownership without legitimacy?: Working paper WP3/2008/01. Moscow: State University — Higher School of Economics, 2008. — 40 p. (in Russian).

The paper examines a problem of legitimization of the privatization's outcomes in Russia and provides a critical appraisal of various political proposals for its resolution. The analysis proceeds from a distinction between two different types of ownership illegitimacy — “specified” and “attenuated” ones. The paper argues that the “unspecified” illegitimacy evolved in Russia is not an absolute obstacle for sustainable economic growth but rather an institutional “birth trauma” which is common for all post-socialist countries and which could be cured only by piecemeal approaching of relationship between “strong” and “weak” economic actors to principles of fair play.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>.

© Р.И. Капелюшников, 2008
© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008

Перевод основной массы производственных активов из государственной собственности в частную был важнейшим элементом рыночных реформ во всех постсоциалистических странах*. Во многих отношениях этот процесс являлся беспрецедентным и в мировой экономической истории ему с трудом удается подыскать сколько-нибудь близкие аналоги. И хотя главная задача — возрождение частной собственности в бывших плановых экономиках — была, казалось бы, успешно решена, за это пришлось заплатить достаточно высокую цену: у значительной части общества сформировалось открытое неприятие как самой приватизации, так и всего, что было с ней связано. Так, возникновение в них устойчиво негативного отношения к крупной частной собственности было фактически предопределено тем, что основу ее происхождения составили именно приватизационные сделки.

Как следствие, все постсоциалистические страны — кто в большей, кто в меньшей степени — столкнулись с проблемой низкой легитимности сложившихся в ходе приватизации структур собственности. Конечно, учитывая масштабы и темпы приватизационного процесса, высокую степень неопределенности и отсутствие практического опыта, глубину трансформационного кризиса и исходную слабость государственных институтов, такой итог можно было бы считать закономерным, если не неизбежным. Однако для многих политиков и экономистов он, похоже, явился полной неожиданностью.

По понятным причинам, в России дискуссия о легитимности собственности была с самого начала сверхполитизирована и протекала в крайне накаленной общественной атмосфере. Показательно уже то, что велась она в основном либо в газетной и журнальной публицистике, либо в Интернете, почти не затрагивая академическую науку¹. Разброс

* Сокращенная версия работы опубликована в журнале «Вопросы экономики». 2008. № 3. Я признателен А.А. Аузану за возможность принять участие в семинаре Ассоциации независимых центров экономического анализа (декабрь 2007 г.), где был представлен более ранний вариант настоящей работы. Я благодарен за комментарии и критические замечания А.Ю. Зудину, Я.Ш. Паппэ и В.Л. Тамбовцеву. Моя особая благодарность — Э.Д. Азарх, любезно предоставившей опросные материалы Левада-центра.

¹ Аузан А. Вертикальный контракт неустойчив // Отечественные записки. 2004. № 6; Вера в несправедливость мира и экономический рост // Открытый семинар «Полит.ру». 29.09.2006 (<http://www.polit.ru/author/2006/09/29/tez.html>); «Власть выходит на баррикады нелегитимных реформ». Беседа с Виталием Найшулем и Ольгой Гуровой // Аналитика.

высказываемых мнений был и остается предельно широким: одним все это кажется псевдопроблемой, искусственно раздуваемой в интересах определенных политических сил, другим — вопросом первостепенной важности, от решения которого зависит ни много ни мало будущее страны. Но в чем большинство российских комментаторов тем не менее сходятся, так это в стремлении сразу переходить к политическим оценкам и практическим выводам, минуя собственно аналитическую стадию обсуждения. В такой ситуации представляется нелишним задержаться именно на этой — аналитической — стадии и прежде, чем двигаться вперед, попытаться разобраться в природе самой проблемы легитимности собственности. Как можно надеяться, подобный подход позволит перевести обсуждение в более рациональное русло и избежать, насколько это возможно, как произвольных толкований, так и поспешных рекомендаций, которыми переполнены публикации на данную тему.

Одна из целей работы — показать, что при анализе проблемы нелегитимности собственности могут продуктивно использоваться идеи и методы, выработанные новой институциональной экономической теорией. На мой взгляд, обращение к ним позволяет увидеть этот феномен в новом свете, лучше понять порождающие его механизмы и более адекватно оценить вызываемые им следствия.

1. Легальность и легитимность

Как известно, понятие легитимности было введено в современные социальные дисциплины М. Вебером при обсуждении возможных источников политической власти и позднее стало активно использоваться

«Полит.ру». 7.04.2005 (<http://www.polit.ru/analytics/2005/04/07/privat.html>); Дмитриев М. В защиту национализации // Коммерсантъ. 30.01.2006. № 15 (3346); Зоркая Н. Приватизация и частная собственность в общественном мнении в 1990–2000-е годы // Отечественные записки. 2005. № 1; Капелюшников Р. Неспортивное поведение и легитимность приватизации // «Полит.ру». 17.03.2006 (<http://www.polit.ru/author/2006/03/17/sport.html>); Маслов О. Легитимность собственности в России начала XXI века. 23.04.2007 (www.polit.pnov.ru/avtor/maslov/); Милов В. Суровые будни национализации // Ведомости. 21.02.2006. № 30 (1557); Привалов А. Отберите у детей спички! // Эксперт. 17.01.2005. № 1 (449); Фонд либеральная миссия. Легитимность приватизации и доверие в обществе. 14.10.2003 (www.liberal.ru.sitan0.asp?Rel=82); Фонд «Либеральная миссия». Приватизация и общество. 28.11.2003 (www.liberal.ru.sitan0.asp?Rel=86); Фонд либеральная миссия. Права собственности, приватизация и национализация в России. 10.08.2006 (www.liberal.ru.sitan0.asp?Rel=165); Явлинский Г. Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы // Вопросы экономики. 2007. № 9.

при изучении множества иных, зачастую далеких друг от друга проблем². Для нашей темы ключевое значение имеет разграничение двух взаимосвязанных, но тем не менее не совпадающих характеристик социального порядка — легальности и легитимности. К сожалению, в социологической и политологической литературе описание этой дихотомии нередко оказывается настолько переусложненным и непрозрачным, что без попытки дать ей более внятное и предметное рабочее определение, по-видимому, не обойтись.

Воспользовавшись представлениями, выработанными в рамках новой институциональной экономической теории, можно было бы сказать, что легализация связана с *формальными*, тогда как легитимация — с *неформальными* механизмами признания чьих-либо прав на что-либо. Говоря проще, легитимация — это признание окружающими прав некоего X на некое Y , где неопределенное выражение «окружающие» используется намеренно, чтобы в зависимости от контекста вместо него можно было подставить то, что больше всего подходит в том или ином конкретном случае. Отказ в таком признании — это базовый, наиболее фундаментальный и наиболее доступный инструмент инфорсmenta, поскольку пользование им чаще всего не требует больших издержек и обходится практически бесплатно. Это дисциплинирующее средство, которое почти всегда есть у слабых против сильных, и несмотря на его кажущуюся хрупкость и эфемерность, оно, как ни странно, иногда срывается и оказывается вполне эффективным.

Теоретически легальность и легитимность могут выступать в нескольких различных сочетаниях. В Таблице 1 представлена простейшая типология альтернативных институциональных режимов, включающая четыре возможных комбинации формального и неформального признания прав собственности. Режим *A* соответствует «оптимальному» состоянию институциональной системы, когда требования легальности и легитимности совпадают; режим *B* — состоянию «внезаконности», когда формальная правовая система отказывается признавать существующие де-факто права собственности, которые несмотря на это повсеместно признаются неформально; режим *C* — состоянию «безлегитимности», когда формальное признание прав собственности не сопровождается их неформальным признанием; наконец, режим *D* — состоянию «чистой криминальности», когда права собственности лишены как формальной, так и неформальной общественной санкции и, следовательно, могут опираться либо на голую силу (когда они легко видимы), либо на полную

² Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

информационную непрозрачность (когда их удается сделать невидимыми для посторонних)³.

Таблица 1. Простейшая типология альтернативных институциональных режимов

		Легитимность (неформальное признание прав собственности)	
		Есть	Нет
Легальность (формальное признание прав собственности)	Есть	Режим А (институциональный «оптимум»)	Режим С (состояние «безлегитимности»)
	Нет	Режим В (состояние «внезаконности»)	Режим D (состояние «чистой криминальности»)

Конечно, в реально функционирующих экономиках институциональные режимы всегда являются «смешанными», не совпадая полностью ни с одним из чистых типов, выделенных выше. Однако в зависимости от того, какого рода проблемы оказываются для той или иной группы стран наиболее критичными, их с известной долей условности все же можно попытаться распределить по ячейкам Таблицы 1.

Одно из главных условий, от которых зависит существование институционального равновесия, — это высокая степень согласованности между формальной и неформальной санкционированностью прав собственности, между легальностью и легитимностью. Несколько упрощая реальное положение дел, можно полагать, что такой баланс (приближающийся к режиму *А*) поддерживается в большинстве стран с устойчивой политической системой и «гладко» работающей экономикой (прежде всего — развитых). Однако с аналитической точки зрения больший интерес представляют случаи, когда легальность и легитимность явно и открыто расходятся.

Состояние «внезаконности» (режим *В*) можно считать типичным для большинства развивающихся стран; в последние десятилетия оно активно изучалось, его отличительные черты и связанные с ним проблемы многократно описывались и анализировались (в частности — в класси-

³ Строго говоря, классификация институциональных режимов должна быть как минимум трехмерной, учитывая три возможных альтернативы: 1) наличие/отсутствие фактического права собственности; 2) наличие/отсутствие легального титула собственности; 3) наличие/отсутствие общественного признания права собственности. Но чтобы не перегружать изложение, я ограничусь рассмотрением более простой, двумерной классификации.

ческих исследованиях Э. Де Сото⁴). Выделение в качестве особого случая состояния «безлегитимности» (режим *С*) произошло позднее — фактически после того, как оно сформировалось и закрепилось в большинстве постсоциалистических стран⁵. Стоит отметить, что изучение именно этого институционального режима сталкивается с наиболее серьезными методологическими, инструментальными и информационными трудностями. Если наличие/отсутствие формального признания прав собственности поддается непосредственному наблюдению и устанавливается практически безошибочно, то наличие/отсутствие у них неформального признания удается определять лишь по косвенным признакам, далеко не всегда ясным и однозначным. Что же касается экстремального состояния «чистой криминальности» (вариант *D*), то оно обычно встраивается в виде отдельных вкраплений в поры других институциональных режимов и в этом смысле не может претендовать на самостоятельность.

Между ситуациями, когда права собственности являются легитимными, но нелегальными (режим *В*) и когда они являются легальными, но не легитимными (режим *С*), существуют понятные различия. Однако порождаемые ими эффекты во многом совпадают: в обоих случаях пучки правомочий, которыми располагают экономические агенты, оказываются усеченными по сравнению с «оптимальной» ситуацией, когда легальность и легитимность хорошо стыкуются друг с другом (режим *А*). Так, права собственности, признаваемые лишь формально, неизбежно утрачивают определенность, поскольку отсутствие легитимации делает их — по крайней мере, в перспективе — и недостаточно стабильными, и недостаточно надежными.

Как убедительно показывает новая институциональная экономическая теория, необходимым условием эффективного использования ресурсов является точная спецификация прав собственности. Внося искажения в систему стимулов, неполная специфицированность меняет поведение экономических агентов, оказывая резко отрицательное влия-

⁴ См.: Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995. Впрочем, после того как страны Латинской Америки начали активно проводить политику приватизации, в них также возникли зоны с пониженной легитимностью собственности. См.: Panizza U., Yanez M. Why Are Latin Americans So Unhappy about Reforms? // Journal of Applied Economics. 2005. Vol. 8. No 7.

⁵ Как мне кажется, смешение вопроса об ограниченной легальности прав собственности (отсутствии юридической чистоты) с вопросом об их недостаточной легитимности (отсутствии общественного признания) характерно для подхода Г. Явлинского. См.: Явлинский Г. Указ. соч. С. 10–13.

ние на состояние и перспективы развития экономики. Однако спусковым механизмом для формирования такой причинно-следственной связи во многих случаях становится именно отсутствие легитимности: нелегитимность \Rightarrow неполнота и нестабильность прав собственности \Rightarrow неэффективное использование ресурсов. Вот почему режим «безлегитимности» может представлять собой серьезную угрозу как для эффективности, так и для устойчивости экономических систем.

2. На чем может строиться легитимность?

Но если легитимность прав собственности означает наличие у них неформального общественного признания, то тогда неизбежно возникает вопрос о его основе. Откуда оно вырастает, на чем строится? От каких факторов зависит?

Чтобы не усложнять задачу, я не буду пытаться выводить возможные основания легитимности из каких-либо общетеоретических посылок, а попробую просто обобщить те идеи, из которых при обращении к данной теме чаще всего исходят российские авторы. В первом приближении здесь, как мне кажется, можно выделить три основных подхода.

1. Возможно, все дело в определенных идеологических конструктах — стереотипах восприятия, вбиваемых в головы людей (без их прямого участия) некими внешними силами. Продукты такого внушения могут рассматриваться либо как инерционные и долгоживущие (человек усвоил еще с советских времен, что частная собственность недопустима, и никак не может расстаться с этим до сих пор), либо как чрезвычайно пластичные и быстро сменяющие друг друга (сегодня телевизор говорит одно, люди думают так, завтра телевизор говорит другое, люди думают эдак). Но в обоих случаях явно или неявно предполагается, что процесс легитимации собственности строится на идеологических пустышках, лишенных реального внутреннего содержания и далеких от повседневной жизни обычных людей.

По логике этого подхода, группы, легче поддающиеся идеологическому «импринтингу» (пожилые, менее образованные, традиционалистски ориентированные, оказывающие поддержку левым партиям), должны выступать решительными противниками приватизации и выростшей из нее крупной частной собственности, тогда как группы, обладающие по отношению к нему достаточным иммунитетом (молодые, более образованные, реформистски ориентированные, оказывающие

поддержку правым партиям), — их столь же решительными сторонниками.

2. Не менее вероятно, что за суждениями о легитимности/нелегитимности собственности могут скрываться те или иные частные интересы. Тогда определяющим оказывается разделение членов общества на выигравших и проигравших: кому приватизация была выгодна, те ее одобряют; кто от нее ничего не приобрел либо даже потерял, те ее осуждают.

Выигрыши и проигрыши, о которых идет речь, не обязательно должны выступать в прямой форме и быть прямо связанными с дележом государственных активов. Они могут носить также и косвенный характер. Так, переход от экономики, основанной на государственной собственности, к экономике, опирающейся на частную собственность, неизбежно меняет структуру спроса на рабочую силу. Позиции одних групп на рынке труда ослабевают, других — становятся сильнее. Соответственно те из них, чьи шансы на высокие доходы и привлекательные рабочие места, ухудшаются (менее мобильные, с «нерыночным» человеческим капиталом, подверженные риску безработицы, занятые в бюджетном секторе), будут склонны отказываться от признания итогов приватизации; те же, чьи шансы на высокие доходы и привлекательные рабочие места, улучшаются (более мобильные, с «рыночным» человеческим капиталом, не подверженные риску безработицы, занятые во внебюджетном секторе), — их принимать. По аналогичной схеме, как можно предположить, будет строиться и реакция экономически неактивного населения (включая получателей социальных трансфертов).

3. Наконец, нельзя исключить, что оценки собственности как легитимной или нелегитимной могут строиться исходя из элементарных, обыденных представлений людей о «честном/нечестном» или, если воспользоваться аналогией со спортом, «спортивном/неспортивном» поведении. Санкцию легитимности чаще всего получают события, процессы и институты, которые не противоречат сложившимся в обществе представлениям о «честной игре» (fair play). И наоборот: когда «неспортивность» происходящего достигает критической отметки, легитимность рассыпается и перебить это не удастся тогда никакими другими козырями — включая ссылки на эффективность.

Встав на такую позицию, можно было бы вернуться к нашим исходным понятиям и переопределить их, сказав, что легальность — это соответствие конкретным нормам позитивного права (писанного закона), в то время как легитимность — это соответствие более общим метаправовым принципам, из которых в конечном счете вырастает само фор-

мальное право и которые оно призвано воплощать и выражать. Для обозначения этих принципов разные авторы — при общности понимания — прибегают к различным терминам⁶.

Так, А. Смит, разработавший довеберовскую, если можно так выразиться, концепцию легитимности, использовал для этого понятие *propriety* — «правильность», «подобающую» (от *proper* — «правильный»). Именно оно стало смысловым центром его «Теории нравственных чувств» (скорее всего, смитовский терминологический выбор был не случаен, если учесть, что слово *propriety* является однокоренным со словом *property* и в разговорном английском может употребляться для обозначения частной собственности)⁷. Смит доказывал, что существует конечное число критериев, по которым принадлежность чего-либо кому-либо может оцениваться как соответствующая или не соответствующая *propriety*. Он полагал также, что суждения разных людей на этот счет не то чтобы полностью совпадают, но имеют тенденцию конвергировать. (Конечно, всегда остаются какие-то пограничные, неоднозначные случаи, по которым оценки, выносимые разными людьми, будут неизбежно различаться, но чем больше общность их опыта и чем активнее их взаимодействие, тем шире должна становиться зона схождения⁸.) Без представлений о *propriety* и более или менее адекватном их отражении в писаном праве, считал Смит, сложные общества, основанные на разделении труда, хорошо работать не могут. По его мнению, рыночная система способна существовать и успешно развиваться только в том случае, если ее участники не нарушают, как он выражался, «законов справедливости»⁹.

⁶ См., например: Фуллер Л.Л. Внутренняя мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007.

⁷ Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. В русском переводе для передачи смитовского *propriety* выбран явно неадекватный вариант — «приличие».

⁸ Пожалуй, самое интересное в рассуждениях Смита о *propriety* — это его убежденность в том, что человек не сводим без остатка к собственным частным интересам: ему дано вставать над ними, занимая, по смитовскому выражению, позицию «беспристрастного наблюдателя» (*impartial spectator*). Конечно, способность любого конкретного человека смотреть на окружающее глазами «беспристрастного наблюдателя» всегда относительна. Во-первых, доступная ему информация никогда не бывает совершенной. Во-вторых, возможность высвободиться из-под власти собственных интересов также неизбежно ограничена. Однако такая способность — пусть несовершенная — все же существует и именно это, по мнению Смита, позволяет людям несмотря ни на что подниматься над ними, пытаясь оценивать вещи не с точки зрения *utility*, а с точки зрения *propriety*.

⁹ Полностью это знаменитое место из «Богатства народов» звучит так: «...остается и утверждается простая и незамысловатая система естественной свободы. Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим

Многие современные исследования, посвященные проблеме легитимности собственности, подтверждают верность смитовской интуиции. Так, авторы одного из них, американские политологи Р. Дач и Г. Палмер, приходят к выводам, почти буквально повторяющим выводы Смита: «Рыночные экономики, — замечают они, — неспособны функционировать без широкого признания определенных базовых норм и правил, регулирующих индивидуальные трансакции. ...Мы утверждаем, что эти базовые экономические нормы широко признаются индивидами — независимо от их принадлежности к разным культурам или обладания разным социоэкономическим статусом»¹⁰. Лучше всего суть такого представления о легитимности собственности передает мысль, вынесенная в название их работы: *значение имеют не выигрыши или проигрыши, но то, как ведется сама игра* (более подробное обсуждение результатов этого исследования см. в Приложении).

Итак, в понимании возможных оснований легитимности прослеживаются по меньшей мере три альтернативных подхода. Более наглядно различия между ними можно проиллюстрировать с помощью несложного мысленного эксперимента. Предположим, что нами была сформирована репрезентативная выборка из граждан США, которым была предоставлена необходимая информация о приватизации в России примерно в том же объеме, в каком она имеется у россиян. После чего был проведен опрос об их отношении к этому событию. В том случае, если бы действовал один только первый канал, ответы американцев и россиян должны были бы радикально разойтись — из-за принципиальных различий, существующих в их базовых идеологических установках. В том случае, если бы действовал один только второй канал, участники американского опроса оказались бы в затруднении, поскольку на их благополучие российская приватизация никак реально не повлияла — грубо говоря, им от нее ни тепло, ни холодно. Им пришлось бы либо отказываться от ответа, либо отвечать наобум, так что голоса «за» и «против» разделились бы примерно поровну. Наконец, в том случае, если бы действовал один только третий канал, большинство американцев отказали бы российской приватизации в одобрении точно так же, как это делают

трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 647). Любопытно, что при его цитировании смитовское упоминание «законов справедливости» чаще всего опускается.

¹⁰ Duch R.M., Palmer H.D. It's Not Whether You Win or Lose, but How You Play the Game: Self-Interest, Social Justice and Mass Attitudes to Market Transition // American Political Science Review. 2004. Vol. 98. No 3.

большинство россиян, — по той простой причине, что она слишком мало напоминала ход «честной игры».

Явные или неявные отсылки к этим трем альтернативным объяснениям обнаруживаются в высказываниях практически всех российских авторов, берущихся обсуждать проблему легитимности собственности. Ограничимся короткой выборкой из формулировок, принадлежащих трем авторитетным отечественным исследователям, — Н. Зоркой, А. Аузану и Г. Явлинскому:

- «Анализируя отношение людей к приватизации, важно учитывать устойчивость системы ценностей и стереотипов поведения, сформированных советской эпохой. ... Именно эти особенности массового сознания россиян определяли их отношение к переменам, в частности к важнейшей их составляющей — введению института частной собственности и приватизации. ... Важно не то, насколько оно [негативное отношение к приватизации. — *Р. К.*] справедливо или нет. Рассматривая представления большинства российских граждан об этой достаточно непрозрачной и все более отдаляющейся от них реальности... мы сможем оценить то, в какой мере экономические и политические трансформации изменили идеологические и ценностные ориентации населения» (*Н. Зоркая*);

- «...нужно решить так называемую проблему компенсаций, т.е. вопрос о легитимности собственности. В чем суть этой проблемы? Истории не известны случаи, когда удалось бы распределить собственность так, чтобы это распределение было признано правомерным и справедливым всеми группами общества. И через некоторое время после радикального перераспределения собственности общество обязательно сталкивается с проблемой компенсации. Речь идет о том, на каких условиях группы, проигравшие при распределении собственности, готовы признать это распределение приемлемым» (*А. Аузан*);

- «Хаотичность приватизации, отсутствие простых и четких правил, соблюдаемых всеми участниками процесса (что является обязательным элементом при оценке его результатов как справедливых и честных), запутанность и нестабильность процедур — все это, безусловно, породило в общественном сознании восприятие приватизации как несправедливой и, следовательно, подлежащей возможному пересмотру» (*Г. Явлинский*)¹¹.

¹¹ Зоркая Н. Указ. соч. С. 124–125, 132; Аузан А. Указ. соч. С. 136; Явлинский Г. Указ. соч. С. 14. Нужно, впрочем, оговориться, что с точки зрения Г. Явлинского «игра не по правилам» — далеко не самый главный фактор низкой легитимности российской крупной частной собственности (См.: Там же. С. 15).

3. Множественность оснований легитимности и эмпирические данные

Естественно полагать, что в реальности все три «механизма легитимации» действуют одновременно, хотя соотношение между ними может меняться и быть очень разным. Тем неожиданнее выглядит то, что в российских публикациях по проблеме легитимности собственности одному из этих факторов — третьему — уделяется крайне мало внимания: он либо упоминается мимоходом, либо вообще выносится за скобки, как если бы его не существовало¹². Но согласуется ли такая объяснительная асимметрия с имеющимися опросными данными?

Ключевым эмпирическим фактом можно считать то, что в российском обществе сложилось почти консенсусное неприятие приватизации и выросшей на ее основе крупной частной собственности. Это неприятие идет поверх всех и всяческих барьеров и перегородок — политических, идеологических, образовательных, социальных, имущественных и любых иных. Очень трудно отыскать какую-либо компактную социальную группу, внутри которой подавляющее большинство приветствовало бы приватизацию и благожелательно отзывалось о крупной частной собственности. В данном отношении различные опросные центры рисуют практически идентичную картину. Так, по данным Левада-центра, в 2000—2007 гг. доля выступавших за полный или частичный пересмотр итогов приватизации колебалась в пределах 78—83%, тогда как доля готовых оставить их без изменений — в пределах 7—15% (Таблица 2). Близкие результаты были получены в одном из обследований РОМИР (2003 г.): за полную или частичную деприватизацию высказались 77%, против — 18%¹³. В том же интервале лежат и оценки ИСПИ РАН (2006 г.): соответственно 81% и 17%¹⁴. При таком единодушии в восприятии резуль-

¹² В этом смысле весьма показательное такое, например, высказывание: «Обвинения бизнеса в нечестности являются идиотическими по той простой причине, что бизнес всегда зарабатывал, зарабатывает и будет зарабатывать деньги. Если бизнес существует в обществе, где дают взятки, бизнес всегда будет их давать. Требование честности можно предъявлять только к публичной власти, организующей правила общей жизни, в том числе делающей приватизацию, и только здесь может обсуждаться вопрос легитимности собственности» (Вера в несправедливость мира и экономический рост // Открытый семинар «Полит.ру»).

¹³ Федюкин И. Отнять и поделить. Чайная народа не изменились за 86 лет // Ведомости. 18.07.2003. № 125 (925).

¹⁴ Иванов В.Н., Воротников В.П., Анохин М.Г., Бабакаев С.В., Мазаев Ю.Н., Яковлев С.Д. Приватизация — национализация: российские альтернативы. Результаты комплексного социологического исследования. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006.

татов приватизации едва ли удивительно, что 77% российских граждан полагают, что хозяева крупной частной собственности владеют ею не по праву, тогда как в обратном убеждены лишь 10%¹⁵.

Таблица 2. С какой из следующих точек зрения в отношении приватизации государственной собственности в 1991–1999 гг. Вы бы скорее всего согласились? (% от общего числа опрошенных)*

	2000 февраль	2003 июль	2004 ноябрь	2005 ноябрь	2006 ноябрь	2007 август
Принять результаты приватизации такими, какие они есть	7	12	15	12	13	11
Пересмотреть результаты приватизации в тех случаях, когда предприятия стали хуже работать/хуже платить налоги/задерживать зарплату	21	19	20	18	18	17
Пересмотреть результаты приватизации в отношении крупнейших предприятий важнейших отраслей экономики	24	23	26	29	26	28
Полностью пересмотреть результаты приватизации	38	35	32	30	28	30
Затруднились ответить	10	11	8	10	15	14

Источник: Общественное мнение — 2007. М.: Левада-центр, 2007.

* N = 1600.

Представляется крайне маловероятным, чтобы такое околоконсенсусное состояние общественного мнения могло сложиться под действием исключительно первых двух факторов (см. Таблицы 3, 4 и 5).

Таблица 3. Отношение к приватизации государственной собственности в 1991–1999 гг. по социально-демографическим характеристикам (2007 г., % от численности соответствующих групп)

Группы с различными социально-демографическими характеристиками*	Отношение к результатам приватизации		
	Готовые принять их такими, как есть	Выступающие за их полный или частичный пересмотр**	Затруднившиеся с ответом
По полу:			
мужчины (45,3)	12,1	75,8	12,1
женщины (54,7)	10,5	74,0	15,5

¹⁵ Иванов В.Н., Воротников В.П., Анохин М.Г. и др. Указ. соч.

Группы с различными социально-демографическими характеристиками*	Отношение к результатам приватизации		
	Готовые принять их такими, как есть	Выступающие за их полный или частичный пересмотр**	Затруднившиеся с ответом
По возрасту:			
18–24 года (14,6)	15,8	61,4	22,8
25–39 лет (26,9)	14,8	70,9	14,3
40–54 года (30,1)	11,4	75,8	12,8
55 лет и старше (28,4)	5,4	84,3	10,3
По образованию:			
высшее (20,6)	9,4	75,3	15,3
среднее, среднее профессиональное (46,6)	12,3	74,4	13,3
ниже среднего (32,7)	10,8	75,0	14,2
По занятиям:			
независимые предприниматели (3,0)	10,0	85,0	5,0
руководители (4,4)	11,4	79,4	9,2
специалисты (18,7)	12,6	75,2	12,2
служащие (9,0)	10,3	69,7	19,8
рабочие (29,9)	10,6	73,1	16,3
учащиеся, студенты (4,3)	25,2	51,6	23,2
пенсионеры (21,7)	6,0	83,2	10,8
домохозяйки, безработные, временно нетрудоустроенные (9,0)	17,4	69,8	12,8
По размерам населенного пункта:			
Москва (7,3)	2,1	83,4	14,5
свыше 500 тыс. чел. (22,2)	11,2	75,9	12,9
от 100 до 500 тыс. чел. (18,5)	12,0	73,2	14,8
менее 100 тыс. чел. (27,3)	16,2	72,4	11,4
село (24,6)	7,8	75,2	17,0

Источник: Левада-центр.

* В скобках показывается, какую долю от общего числа опрошенных (в %) составляют группы с соответствующими социально-демографическими характеристиками.

** Сумма ответов «Пересмотреть результаты приватизации в тех случаях, когда предприятия стали хуже работать/хуже платить налоги/задерживать зарплату»; «Пересмотреть результаты приватизации в отношении крупнейших предприятий важнейших отраслей экономики»; «Полностью пересмотреть результаты приватизации».

Таблица 4. Отношение к приватизации государственной собственности в 1991–1999 гг. по характеристикам экономического положения (2007 г., % от численности соответствующих групп)

Группы с различными характеристиками экономического положения*	Отношение к результатам приватизации		
	Готовые принять их такими, как есть	Выступающие за их полный или частичный пересмотр**	Затруднившиеся с ответом
По семейному доходу:			
до 5 тыс. руб. (15,4)	7,2	80,2	12,6
от 5 до 9 тыс. руб. (16,6)	8,1	80,2	11,7
от 9 до 15 тыс. руб. (27,2)	9,9	75,3	14,8
свыше 15 тыс. руб. (26,1)	13,2	73,2	13,6
затруднились ответить (14,7)	17,7	65,1	17,2
По материальному положению:***			
первая группа (8,9)	7,2	84,6	8,2
вторая группа (26,3)	10,3	78,9	10,8
третья группа (46,1)	12,5	69,0	18,5
четвертая и пятая группы (18,6)	11,5	78,6	9,9
По социальным слоям, к которым относят свои семьи респонденты:			
высший слой и верхняя часть среднего слоя (4,2)	20,9	69,1	10,0
средняя часть среднего слоя (48,0)	11,9	71,1	17,0
нижняя часть среднего слоя (32,7)	10,1	79,1	10,8
низший слой (14,9)	8,8	79,2	12,0
По способам использования ваучера:			
купили акции своего или других предприятий (14,8)	12,5	84,2	3,3
купили акции чековых фондов (10,2)	7,7	83,2	9,1
продали за наличные деньги (25,8)	9,9	81,3	8,8
подарили; не смогли реализовать (12,3)	7,5	80,0	12,5
не получали ваучера (20,9)	15,6	60,9	23,5
другое, не помнят (15,9)	11,7	64,2	24,1

Источник: Левада-центр.

* В скобках показывается, какую долю от общего числа опрошенных (в %) составляют группы с соответствующими характеристиками экономического положения.

** Сумма ответов «Пересмотреть результаты приватизации в тех случаях, когда предприятия стали хуже работать/хуже платить налоги/задерживать зарплату»; «Пересмотреть результаты приватизации в отношении крупнейших предприятий важнейших отраслей экономики»; «Полностью пересмотреть результаты приватизации».

*** Первая группа — «Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты»; вторая — «На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения»; третья — «Денег хватает и на одежду, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является для нас проблемой»; четвертая — «Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи»; пятая группа — «Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи — квартиру, дачу и другое».

Таблица 5. Отношение к приватизации государственной собственности в 1991–1999 гг. в зависимости от идеологических и политических ориентаций (2007 г., % от численности соответствующих групп)

Группы с различными идеологическими и политическими ориентациями*	Отношение к результатам приватизации		
	Готовые принять их такими, как есть	Выступающие за их полный или частичный пересмотр**	Затруднившиеся с ответом
По симпатиям к политическим партиям/силам:			
коммунисты (12,4)	9,4	81,1	9,5
демократы (13,3)	14,3	66,5	19,2
патриоты (3,7)	6,4	91,1	2,5
партия власти (18,8)	12,3	79,2	8,5
другие центристские силы; другие силы (2,8)	14,2	82,8	3,0
таких нет (37,3)	11,9	70,7	17,4
затруднились ответить (11,7)	6,6	76,4	17,0
По электоральным намерениям:***			
СПС (5,3)	14,2	72,5	13,3
«Яблоко» (4,9)	11,7	77,9	10,4
«Единая Россия» (17,6)	16,3	76,1	7,6
ЛДПР (8,0)	11,8	80,2	8,0
КПРФ (20,2)	5,5	85,9	8,6
По оценкам событий августа 1991 г.:			
«это победа демократической революции, покончившей с властью КПСС» (9,8)	19,2	70,9	9,9
«это трагическое событие, имевшее гибельные последствия для страны и народа» (23,8)	10,9	79,5	9,6
«это просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны» (48,4)	10,1	79,4	10,5
затруднились ответить (18,1)	10,2	58,7	31,1
По оценкам массовой приватизации:			
«это была попытка оказать людям материальную поддержку» (3,6)	23,7	64,5	11,8
«это был шаг к тому, чтобы в России появился класс собственников» (13,0)	19,4	71,2	9,4
«это была показуха, под прикрытием которой происходило расхищение государственной собственности» (68,3)	8,2	82,3	9,5
затруднились ответить (15,2)	14,7	46,7	38,6

Источник: Левада-центр.

* В скобках показывается, какую долю от общего числа опрошенных (в %) составляют группы с соответствующими идеологическими и политическими ориентациями.

** Сумма ответов «Пересмотреть результаты приватизации в тех случаях, когда предприятия стали хуже работать/хуже платить налоги/задерживать зарплату»; «Пересмотреть результаты приватизации в отношении крупнейших предприятий важнейших отраслей экономики»; «Полностью пересмотреть результаты приватизации».

*** Из-за сжатия электоральной базы правых партий, наблюдавшегося в последние годы, использованы данные опроса 2003 г. Точная формулировка вопроса: «Если бы выборы в Государственную думу состоялись в ближайшее воскресенье, стали бы Вы голосовать на этих выборах? Если да, за какую из этих партий Вы бы проголосовали?»

С одной стороны, в 1990-е гг. конкуренция на рынке идей была достаточно активной, чтобы поверить в то, что за это время в сознании людей могла сформироваться однородная идеологическая картина мира — наподобие той, что существовала при советской власти. Как следует из Таблицы 5, ничего похожего на идеологическую однородность сейчас действительно нет. Но при этом оказывается, что вопреки ожиданиям группы, настроенные реформистски, относятся к приватизации не намного лучше, чем группы, настроенные традиционалистски. В «реформистских» группах признать ее результаты точно так же готово лишь абсолютное меньшинство: среди тех, кто испытывает симпатии к «демократам», таких набирается только 14%; среди тех, кто выражает готовность голосовать за СПС или «Яблоко» — 12–14% (оценка 2003 г.); среди тех, кто считает события августа 1991 г. демократической революцией, — 19%. Даже среди тех, кто приветствует саму идею приватизации и осознает ее необходимость, согласие с тем, как она была проведена на практике, выражают менее 25%. (Напомню, что средний показатель по всей выборке равен 11% — см. Таблицу 2). Еще парадоксальнее, что представители наиболее продвинутых и информированных групп, которые, казалось бы, должны обладать по отношению к идеологическому «импринтингу» наибольшим иммунитетом — лица с высшим образованием и жители Москвы — к результатам приватизации настроены даже более непримиримо, чем другие группы: среди них в ее поддержку высказываются соответственно только 9% и 2% (Таблица 3). Схематически рассуждая, это означает, что даже в том случае, если бы произошло чудо и все россияне обратились вдруг в убежденных «демократов» и «реформистов», число сторонников деприватизации сократилось бы максимум на 10 п.п. — с фактических 75% до гипотетических 65%, а в том случае, если бы все вдруг переехали в Москву, оно бы даже возросло — до отметки 87%!

С другой стороны, не слишком вероятно, чтобы оценки легитимности/нелегитимности определялись исключительно или хотя бы в основном экономическим благосостоянием и социальным статусом различных групп. Данные, представленные в Таблице 4, показывают, что это действительно не так. Из них, в частности, следует, что те, кто выиграли от приватизации — предприниматели, топ-менеджеры, владельцы недвижимости, высокодоходные группы, осуждают ее результаты почти так же энергично, как и те, кто от нее проиграл¹⁶. Так, среди лиц с наивысшими

¹⁶ В качестве конкретного примера достаточно сослаться на деятельность М. Ходорковского. С одной стороны, он сверхактивно участвовал в приватизационных процессах. С другой — не менее активно осуждал их ход и направленность.

доходами против любых возможных вариантов передела собственности выступают только 13%; среди тех, кто может позволить себе приобретать предметы длительного пользования или даже недвижимость, — 12%; среди тех, кто относит свои семьи к высшим слоям общества, — чуть более 20%¹⁷. Среди «руководителей» с подобных позиций выступают 11%, а среди «независимых предпринимателей» и того меньше — 10% (Таблица 3). Более того, специальный опрос владельцев и топ-менеджеров частных компаний, проведенный в 2007 г. ВЦИОМ, показал, что даже среди них последовательных противников полного или частичного пересмотра итогов приватизации набирается только 17%¹⁸. Получается, что в воображаемой ситуации, когда бы все россияне переместились вдруг в «высшие слои общества», число сторонников деприватизации сократилось бы примерно на 7 п.п. — с фактических 75% до гипотетических 68%, а в ситуации, когда бы все они подались вдруг в «независимые предприниматели», оно бы даже возросло — до отметки 80%!

При всей условности и упрощенности таких подсчетов они ясно показывают, что объяснительную силу двух первых «механизмов легитимации» не следует преувеличивать. Несомненно, ссылками на их действие можно объяснять наблюдаемые групповые отклонения от среднего уровня неприятия приватизации, однако ими невозможно объяснить, почему столь высок он сам. Такое более общее объяснение, по-видимому, может обеспечить только обращение к третьему из выделенных нами факторов. Скорее всего, именно с его действием связано наблюдаемое окологонсенсусное состояние российского общественного мнения по поводу приватизации и ее итогов. Предположение о высокой (возможно, определяющей) значимости этого фактора хорошо согласуется с имеющимися опросными данными¹⁹.

В том, что приватизация проводилась нечестно и что крупные состояния нажиты нечестным путем, уверены примерно 90% россиян и даже среди «предпринимателей» таких оказывается 72%²⁰. Причем рез-

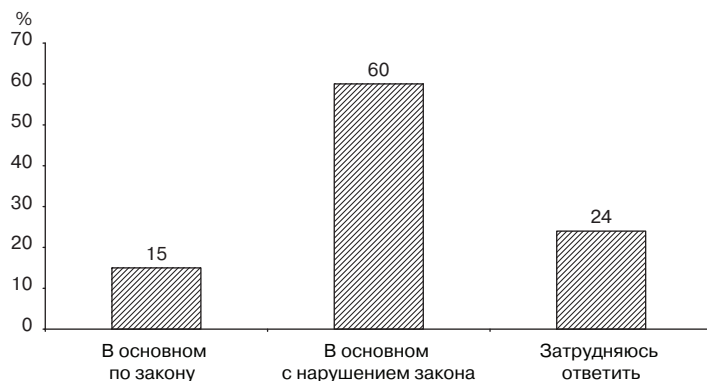
¹⁷ Из данных о том, как люди распорядились ваучерами (Таблица 4), следует еще один любопытный вывод. Похоже, что наименьшей толерантностью по отношению к приватизации и ее результатам отличаются те, кто вложили свои ваучеры в чековые инвестиционные фонды.

¹⁸ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 842. 21.12.2007 (<http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/9419.html>). За полный или частичный пересмотр итогов приватизации в этом опросе высказались 73% владельцев и топ-менеджеров частных компаний.

¹⁹ Сходный вывод делается в работе: Denisova I., Eller M., Fry T., Zhuravskaya E. Who Wants to Revise Privatization and Why? Evidence From 28 Post-Communist Countries. CEFIR and NES Working Papers. 2007. No 105.

²⁰ Федюкин И. Указ. соч.

ко негативный имидж «приватизационной игры» был, по-видимому, сформирован не столько ее исходными правилами или конечными результатами (скорее всего, это было лишь следствием), сколько тем, как она воплощалась на практике. Действительно, в российском обществе существует твердая убежденность, что приватизация осуществлялась с массовыми нарушениями даже формальных «правил игры» — не говоря уже о неформальных²¹. С тем, что она проводилась в основном по закону, готовы согласиться только 15%, а в то, что она была вполне беспристрастной, верят менее 5% (Рис. 1 и 2). Данные же, представленные на Рис. 3, показывают, что в общем и целом установка на пересмотр итогов приватизации проявляется тем сильнее, чем серьезнее и масштабнее предполагаемые отклонения от правил «честной игры» при ее осуществлении²².

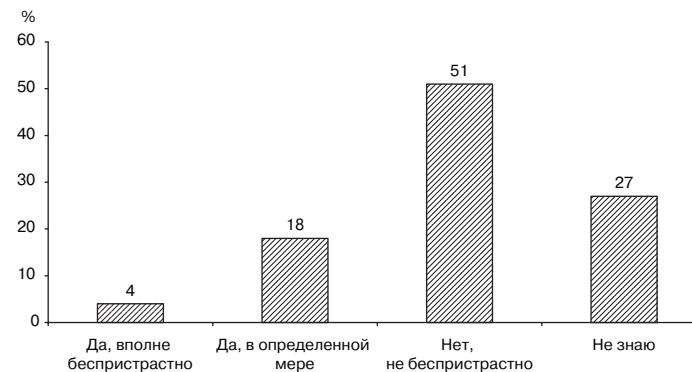

Источник: Иванов В.Н. и др. Указ. соч.

Рис. 1. Как Вы считаете, приватизация в нашей стране осуществляется в основном законными методами или нет? (2006 г., % от общего числа опрошенных)

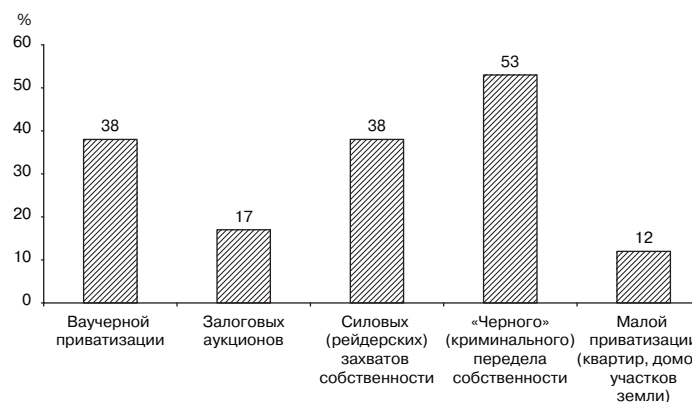
²¹ Ограничусь единственной иллюстрацией, показывающей, что подобная убежденность возникла не на пустом месте. В процессе приватизации достаточно широко использовался метод инвестиционных конкурсов. Однако, насколько мне известно, не было ни одного случая, когда бы новые собственники, победившие на таких конкурсах, затем скрупулезно, пункт за пунктом выполняли условия инвестиционной программы, и можно назвать лишь два-три случая, когда из-за их невыполнения приватизированные активы возвращались обратно государству.

²² Неожиданно низкий результат для случая залоговых аукционов, скорее всего, связан с тем, что в опросе ИСПИ РАН для их обозначения использовалось официальное название, которое могло быть плохо знакомо большинству опрошиваемых. Вполне вероятно, что при замене выражения «залоговые аукционы» выражением «олигархическая приватизация» отмеченная закономерность приобрела бы строго монотонный характер.

Источник: Иванов В.Н. и др. Указ. соч.

Рис. 2. Считаете ли Вы, что органы, занимающиеся приватизацией, действуют в основном беспристрастно? (2006 г., % от общего числа опрошенных)

Источник: Иванов В.Н. и др. Указ. соч.

Рис. 3. Если Вы считаете, что итоги приватизации должны быть пересмотрены, то какие именно? (2006 г., % от числа респондентов, выступающих за пересмотр итогов приватизации)

Все указывает на то, что устойчиво негативное отношение к приватизации и ее результатам нельзя считать чем-то наносным, случайным, внушенным или преходящим — и даже чем-то, легко покупаемым за деньги. Ее неприятие имеет под собой прочную «экспериментальную» основу и укоренено, выражаясь по-смитовски, в глубинных представ-

лениях о propriety²³. Но следует ли отсюда, что оно является абсолютным тормозом для экономического развития и чревато катастрофическими последствиями, как думают многие?

4. Может ли легитимность быть разной?

Чтобы поместить сегодняшнюю ситуацию в сравнительную перспективу, обратимся к более раннему эпизоду, когда в России была проведена другая, куда более драматичная «приватизация» и когда легальность и легитимность разошлись настолько сильно, что из-за этого вся последующая история страны пошла, можно сказать, вкривь и вкось. (Сразу же оговорюсь, что предлагаемая реконструкция не претендует на полную историческую достоверность; ее цель иная — обеспечить удобный стандарт для сравнения, пусть даже недостаточно корректный с собственно исторической точки зрения.)

Под «другой приватизацией» я имею в виду Манифест о вольности дворянской Петра III (1762 г.), освободивший дворян от обязательной государственной службы (хотя ряд правительственных решений, которые ему предшествовали, имели ту же направленность, логическая точка в этом процессе была поставлена именно им). В результате принятия этого акта дворяне, которые прежде принадлежали государству, стали принадлежать самим себе. Заодно в их полную собственность отошли земли, с которых они кормились, а также прикрепленные к этим землям крестьяне. Так эмансипация для одних обернулась экспроприацией для других.

²³ Близкую оценку можно встретить у В. Найшуля: «И ваучерная приватизация, и залоговые аукционы были увидены народным зрением только через длительный промежуток времени. Но это не избавляет такого рода действия от народной оценки. ...Хорошее от плохого люди отличают» (см.: «Власть выходит на баррикады нелегитимных реформ». Беседа с Виталием Найшулем и Ольгой Гуровой). Как можно заключить из этого высказывания, В. Найшуль также исходит из того, что представления о легитимности/нелегитимности собственности основываются на метаправовых критериях «хорошести» и «плохости». Однако он, похоже, склоняется к мысли, что ядро этих представлений является культурно-специфическим (откуда, например, следует, что восприятие приватизации в России должно принципиально отличаться от ее восприятия в других странах), тогда как я — вслед за А. Смитом — склонен скорее полагать, что в основном оно существует поверх культурных или социальных границ. Дополнительное обсуждение этого вопроса см. в Приложении.

До этого момента окружающий мир был устроен в глазах крестьян вполне разумным и понятным образом: дворяне несли государственную службу; они и их семьи нуждались в средствах к существованию; эти средства своим трудом на земле должны были обеспечивать крестьяне. Таким образом, с крестьянской точки зрения доступ дворян к земле был жестко увязан с их пребыванием на службе государства: первое без второго просто не мыслилось. Но отсюда следовало, что «эмансипация» дворян автоматически должна была бы вести к потере ими всяких прав и на землю, и на пользование крестьянским трудом. Поскольку же ничего этого не произошло, в восприятии крестьян «постприватизационный» порядок вещей оказался полностью лишен легитимности.

Многочисленные симптомы делегитимации обнаруживаются повсюду. Достаточно вспомнить о разразившемся вскоре пугачевском восстании; об идее «черного передела», которая примерно в этот период дала о себе знать впервые; о той лютости, с какой отныне при малейшем ослаблении власти крестьяне начинали резать помещиков и жечь усадьбы, и т.п. Но все же самое интересное здесь, пожалуй, другое — а именно то, что на протяжении практически всего «постприватизационного» периода в России сохранялся и продолжал действовать институциональный механизм, который консервировал историческую память о «неправедной приватизации», транслируя ее из поколения в поколение. Конечно же, я имею в виду общину. Именно в ее рамках происходила передача от поколения к поколению информации о том, какая именно деревня какие именно земли у какой именно помещицкой семьи должна отобрать и вернуть себе. Если бы не этот институциональный механизм консервации памяти, то тогда, возможно, оставались бы хоть какие-то шансы на то, что оборот земель, движение людей и смена собственников постепенно привели бы к угасанию памяти о нелегитимном перераспределении собственности, осуществленном в середине 18 в. Вместо этого фактически все делалось для того, чтобы эту память законсервировать, поскольку и российская власть, и российские интеллектуалы общину всячески оберегали и чуть ли на нее не молились — кто по фискальным, кто по идеологическим, кто по узкокорыстным соображениям. В результате историческая память о «неправедной приватизации» просуществовала в почти неизменном виде полтора столетия и в начале 20 в. легитимность в конце концов с треском победила легальность, что обернулось трагедией для всех.

Как же на этом фоне выглядит нынешняя ситуация? Нетрудно заметить, что она является принципиально иной. Во-первых, представления о нелегитимности, существовавшие в «старой» России, были адресны-

ми и именованными — конкретные общины имели претензии к конкретным помещичьим семьям по поводу конкретных земельных участков. В отличие от этого в современной России сложилась ситуация, когда некое размытое множество людей убеждено в том, что в руки некоего размытого множества собственников нечестными путями перешло некое размытое множество активов. (Единственным персонализированным сегментом в этом пространстве анонимности была и остается так называемая «олигархическая» собственность.) Во-вторых, никакого институционального механизма по консервации исторической памяти — наподобие общины — сейчас нет и не предвидится. Это означает, что движение людей, оборот активов и смена собственников могут вести (и, по-видимому, уже ведут) к пусть медленному, но рассасыванию проблемы²⁴. Конечно, государство способно искусственно тормозить скорость этого процесса, периодически реанимируя память о приватизационном опыте с помощью средств массовой информации, но это уже другой вопрос. И, в-третьих, если тогда угроза сложившимся структурам собственности шла снизу (идея «черного передела»), то сейчас — сверху (со стороны государства). Этот пункт следует подчеркнуть особо: в условиях почти полной безадресности и безымянности никакая тотальная стихийная экспроприация невозможна в принципе — хотя бы по чисто техническим причинам.

²⁴ По данным Левада-центра, среди молодежи идею полной или частичной деприватизации поддерживает 61%, среди студентов и учащихся — 52%, что соответственно почти на 15 п.п. и на 25 п.п. ниже, чем среди всех опрошенных (Таблица 3). Этот разрыв — в той мере, в какой он является отражением не возрастного, а когортного эффекта — свидетельствует о том, что процесс угасания памяти о приватизации 1990-х гг. уже идет. Однако некоторые комментаторы, как, например, Г. Явлинский, считают, что полагаться на него было бы опасно: «Естественно-исторический путь постепенного стихийного осознания обществом легитимности существующего распределения собственности является для России неприемлемым в силу слишком длительных временных горизонтов этого процесса. ...Если эта проблема будет оставлена без надлежащего внимания со стороны власти и общества, процесс модернизации российской экономики и общества будет фактически блокирован. Развитие, скорее всего, пойдет по пути существования страны в качестве дальней периферии мировой экономики, что, в свою очередь, будет угрожать территориальной целостности и государственному суверенитету. Соответственно, решение проблемы легитимации крупной частной собственности не может быть поручено стихийной естественной эволюции, а требует сознательных мер государства по поиску эффективных решений, которые могли бы быть приняты и поддержаны как бизнес-сообществом, так и населением в целом» (Явлинский Г. Пакт экономической легитимности // *gazeta.ru*. 9—10.07.2007 (http://gazeta.ru/comments/2007/07/09_a_1895609.shtml)).

Таким образом, состояние нелегитимности может быть очень разным. Как показывает опыт, в одних случаях дистанция между отказом признать результаты состоявшегося перераспределения собственности и практическими действиями по их пересмотру действительно оказывается исключительно короткой, но в других — очень и очень значительной. Поэтому если сфокусированную нелегитимность, существовавшую в «старой» России с середины 18 в., можно назвать отложенной катастрофой, то размытая нелегитимность, существующая сегодня, — это не более чем институциональная родовая травма. Подобно тому, как страны могут иметь конкурентные недостатки, связанные с их географией, — когда, например, они располагаются в зоне очень низких температур, точно так же они могут иметь конкурентные недостатки, связанные с их историей, — когда, например, некое событие прошлого отбрасывает на последующее развитие длинную тень на много лет или даже десятилетий вперед. Но такая родовая травма не обязательно является абсолютным препятствием для роста. И если уж случилось так, что экономика страдает от конкурентных антипреимуществ какого-то одного типа, то естественно полагать, что их вполне возможно компенсировать за счет конкурентных преимуществ какого-то другого типа.

5. Эффекты размытой нелегитимности и поиски выхода

Негативные последствия размытой нелегитимности очевидны и легко обозримы. К числу важнейших можно отнести: 1) поддержание в обществе полудепрессивного социально-психологического климата; 2) конкурентные преимущества, получаемые любыми политическими силами, которые готовы эксплуатировать тему нелегитимности собственности в своих интересах; 3) постоянное искушение для государства использовать ссылки на нелегитимность результатов приватизации для давления на бизнес и/или селективного отъема активов; 4) малый радиус доверия участников рынка как друг к другу, так и к действующим институтам; 5) ослабление инвестиционной активности и искажение самой структуры инвестиций (смещение вложений от долгосрочных к краткосрочным, от менее ликвидных к более ликвидным, от внутренних к внешним и т.д.); 6) усиление общей информационной непрозрачности экономики. Все это, конечно, крайне плохо, но, во-первых, едва ли фатально и, во-вторых, совершенно не уникально, поскольку избежать проблемы нелегитимности собственности не удалось ни одной из переходных эко-

номик — независимо от того, насколько масштабной и быстрой была проводившаяся в них приватизация и какими методами и в каких формах она осуществлялась.

В Таблице 6 представлены результаты недавнего обследования ЕБРР, охватившего 28 постсоциалистических стран. В его рамках респондентам предлагалось выбрать один из четырех возможных вариантов ответа на вопрос о том, как следует поступить с приватизированной собственностью: 1) национализировать и оставить ее в руках государства; 2) национализировать и затем провести повторную приватизацию с использованием более прозрачных процедур; 3) оставить приватизированные активы в руках нынешних собственников при условии, что они выплатят их полную стоимость; 4) оставить все без изменений. Выбравших первый вариант ответа можно рассматривать как сторонников государственной собственности, тогда как всех остальных — как сторонников частной собственности; соответственно выбравших последний вариант ответа можно рассматривать как признающих легитимность результатов приватизации, тогда как всех остальных — как отказывающих им в легитимности²⁵.

Как ни странно, но нельзя назвать ни одной постсоциалистической страны, где бы проведенная приватизация пользовалась поддержкой большинства граждан: в среднем готовность признать ее результаты выражает лишь пятая часть их населения. Даже в самой толерантной по отношению к приватизации стране — Эстонии — оставить все без изменений согласны только 45% (еще более высокую оценку по Белоруссии я оставляю без комментариев). С этой точки зрения Россия со своими 18% не представляет собой ничего экстраординарного, располагаясь почти в самой середине списка. Более того, если исключить страны Балтии, то на всем постсоветском пространстве уровень нелегитимности собственности оказывается в ней наименьшим.

Если что и отличает Россию от многих других постсоциалистических стран (прежде всего — Центральной и Восточной Европы), так это высокая доля сторонников национализации — 37% (восьмое место среди всех 28 обследованных стран). Однако критичность этого результата также не следует преувеличивать, поскольку он практически совпадает с тем, что наблюдается в Словакии, и не намного (лишь на 8—12 п.п.) превышает те, что демонстрируют Болгария или Венгрия.

Приведенные оценки ясно показывают, что нелегитимность приватизации и выросшей из нее крупной частной собственности — это уни-

Таблица 6. По Вашему мнению, что нужно сделать с приватизированной собственностью? Ее нужно... (% от числа опрошенных, взвешенные данные)

Страны	Ренационализировать и оставить в руках государства	Ренационализировать, а затем реприватизировать с использованием более прозрачных процедур	Оставить в руках нынешних владельцев при условии, что они выплатят за приватизированные активы их реальную стоимость	Оставить в руках нынешних владельцев без изменений
Азербайджан	41,4	26,4	8,6	23,7
Албания	14,5	18,7	51,7	15,2
Армения	10,5	22,6	26,8	10,1
Беларусь	20,4	7,1	25,8	46,7
Болгария	28,8	15,8	48,3	7,2
Босния	25,0	17,9	43,4	13,7
Венгрия	24,6	10,2	51,9	13,3
Грузия	30,9	31,9	14,0	23,2
Казахстан	47,5	13,4	26,7	12,5
Киргизстан	43,8	11,2	17,7	27,4
Латвия	19,1	14,2	40,4	26,4
Литва	17,6	17,3	38,3	26,8
Македония	35,3	20,7	38,0	6,0
Молдова	34,8	14,6	32,7	17,9
Монголия	19,9	22,6	21,0	36,5
Польша	22,4	20,4	37,2	20,0
Россия	36,7	13,3	31,5	18,5
Румыния	19,9	14,4	53,0	12,8
Сербия	20,0	18,3	50,7	11,0
Словакия	34,2	8,7	39,9	17,1
Словения	12,4	19,6	36,6	31,4
Таджикистан	48,4	13,7	21,9	16,0
Украина	43,0	12,5	31,9	12,6
Узбекистан	51,6	10,6	22,6	15,3
Хорватия	23,9	29,1	41,0	6,0
Черногория	19,3	20,6	51,3	8,8
Чехия	13,0	11,8	50,6	24,6
Эстония	22,4	10,7	22,6	44,4
Среднее по всем странам	29,0	16,7	34,8	19,4

Источник: Denisova I., Eller M., Fry T., Zhuravskaya E. Op. cit.

²⁵ Denisova I., Eller M., Fry T., Zhuravskaya E. Op. cit.

версальный, кросс-национальный феномен, типичный для всех экономик переходного типа. Всем им предстоит еще долгое время существовать в условиях низкой легитимности собственности, всем им придется пытаться ее так или иначе изживать и преодолевать.

Как же в свете этого выглядят многочисленные практические рецепты, выдвигаемые различными российскими авторами с целью придания приватизации и ее результатам искомой легитимности? Надо сказать, что варьируют они в очень широком диапазоне — от требований тотальной ренационализации до призывов убедить людей, что на самом деле от приватизации им стало только лучше. Среди наиболее популярных и чаще всего обсуждаемых: проекты по восстановлению государственной собственности на все природные ресурсы; предложения по резкому снижению существующего высокого неравенства в распределении доходов; схемы по установлению на приватизированную собственность единовременного компенсационного налога (предложение М. Ходорковского, завоевавшее впоследствии широкую популярность); идея обязать крупных российских собственников продать определенную долю принадлежащих им активов, перечислив вырученные деньги на обесценившиеся в начале 1990-х гг. счета вкладчиков Сбербанка (С. Гуриев); подходы в духе «народного капитализма», предусматривающие продажу населению мелких пакетов акций крупнейших российских государственных корпораций (М. Дмитриев); разработка «пакта экономической легитимности» между государством, бизнесом и обществом, который подвел бы окончательную черту под проблемой легитимности собственности (Г. Явлинский); планы по усилению социальной ответственности крупного бизнеса — активизации благотворительной деятельности, финансированию социально значимых проектов в области образования и здравоохранения и т.д. (РСПП); советы крупному бизнесу направить инвестиции в совершенствование судебной системы и установление более высоких правовых стандартов (А. Аузан); выдвижение аргументов, обосновывающих необходимость более активного развития малого предпринимательства; призывы к развертыванию среди населения пропаганды, разъясняющей, что частная собственность священна и неприкосновенна (К. Ремчуков). Конечно, этот перечень далеко не полон и его можно было бы продолжить.

Нельзя не согласиться, что некоторые из этих мер вполне могут привести к определенным подвижкам в общественном мнении, но сделать так, чтобы отношение общества к приватизации и ее результатам из от-

рицательного стало положительным, они неспособны²⁶. Уязвимое место большинства таких предложений состоит в том, что они пытаются изобрести формальное решение проблемы, которая по своей природе является неформальной. Говоря иначе, проблема легитимности воспринимается их разработчиками так, как если бы она была проблемой легальности. Все они надеются отыскать некий магический переключатель, щелкнув которым можно было бы разом перевести ситуацию из режима нелегитимности в режим легитимности. Но с такой аморфной инстанцией как общественное мнение невозможно ни заключать формальные договоры, ни возлагать на нее формальные обязательства, требуя затем их строгого выполнения. Подобными мерами можно лишь приглушить остроту проблемы, сбив, скажем, градус неприятия с отметки 80–90% до отметки 60–70%. Но даже и это не вполне очевидно: нет никаких гарантий, что они не дадут обратного эффекта, вызвав, напротив, радикализацию общественного мнения.

Наглядно показать это можно на примере едва ли не самой популярной идеи, которая успела завладеть умами многих экспертов и даже получила оформление в виде специального законопроекта, внесенного в Государственную думу, — идеи единовременного компенсационного налога. Обычно в качестве главного аргумента в ее защиту ссылаются на пример Великобритании, где такой налог был с успехом применен. Нетрудно, однако, убедиться, что аналогия с британским опытом, из которой исходят эти предложения, является в значительной мере ложной.

В британском случае суть проблемы состояла в том, что на момент проведения приватизации ее участники — как продавец (в лице государства), так и потенциальные покупатели — не располагали необходимой информацией о реальной (рыночной) ценности приватизируемых активов. Когда же по прошествии нескольких лет выяснилось, что они были проданы по ценам значительно ниже рыночных, то все участники пришли к единому согласованному мнению, что в том случае, если бы такая информация имела у них с самого начала, то тогда переход государственных компаний в частные руки осуществлялся бы по более высоким ценам и что поэтому было бы правильно возложить на победителей приватизационных торгов обязательства по доплате в форме разового компенсационного налога в пользу общества.

²⁶ Конечно, это не значит, что многие из перечисленных мер не являются сами по себе желательными или необходимыми. Это означает только, что намного правильнее было бы обсуждать их вне прямой связи с проблемой легитимности собственности.

Но в переходных экономиках, как следует из нашего анализа, нелегитимность собственности порождается не столько отсутствием информации о реальной стоимости приватизируемых активов, сколько многочисленными отступлениями от принципов «честной игры» при их распродаже²⁷. Отсюда — очевидные различия между постприватизационными ситуациями в Великобритании и в России. Чтобы они проступили яснее, предположим, что в Великобритании через какое-то время после перехода некой государственной компании к частным владельцам стало известно, что они сумели заранее договориться о цене с организаторами приватизационного аукциона и что от участия в нем поднадуманными предложениями были отстранены их потенциальные конкуренты. Вопрос: удовлетворилась бы британская публика решением своего правительства взыскать с владельцев компании компенсационный налог, оставив при этом ее саму в их руках?

Признание чьей-либо собственности в качестве легитимной есть просто-напросто обещание ее уважать. Но если уважение и покупается за деньги, то все-таки, как показывает этот гипотетический пример, в достаточно ограниченных пределах. Поэтому маловероятно, чтобы в российских условиях посредством компенсационного налога в самом деле удалось добиться легитимации постприватизационной структуры собственности. Даже при благоприятном исходе его «легитимационный» эффект будет ограниченным, а при неблагоприятном он может даже стать отрицательным, спровоцировав эскалацию требований все новых и новых компенсационных платежей²⁸.

* * *

Если же все это так, то тогда есть веские основания утверждать, что проблема размытой нелегитимности не поддается лечению ни с помощью хирургического вмешательства (вроде тотальной деприватизации), ни с помощью терапевтических средств (вроде компенсационного налога на приватизированную собственность). В лучшем случае они могут

²⁷ Еще одно важное отличие состоит в том, что в Великобритании приватизация была точечной, что по определению делало любые возможные провалы в легитимности адресными и персонализированными.

²⁸ Ср. высказывание К. Сонины: «...если, допустим, парламент сегодня предложит амнистировать итоги приватизации в обмен на три миллиарда долларов компенсаций, то никто не сможет гарантировать, что завтра не будет принят другой закон, требующий доплатить еще немного. И с каждым разом «олигархи» будут становиться все слабее, а платить все охотнее». (См.: Фонд либеральная миссия. Легитимность приватизации и доверие в обществе.)

дать лишь временное облегчение, в худшем — вызвать новое обострение. По-видимому, в длительной перспективе к успеху может привести только «гомеопатия» — методичное, скрупулезное, поэтапное снижение градиента нелегитимности.

Риску предположить, что для многих людей память о приватизационном опыте 1990-х гг. служит всего лишь историческим якорем, хронологической зацепкой, к которой они «пристегивают» свое восприятие текущих процессов. Это означает, что, отказываясь признавать результаты приватизации, они обращаются не столько к событиям прошедших лет, сколько к тому, что происходит сегодня; не столько к отступлениям от принципов «честной игры», которые имели место когда-то, сколько к отступлениям от ее принципов, которые имеют место сейчас; не столько к прошлому, сколько к настоящему и возможному будущему. О чем в первую очередь свидетельствует такой отказ, так это о бессилии и бесправии, которые большинство людей ощущают при реальных или предполагаемых взаимодействиях с теми, кого они относят к «крупным собственникам», а также о «моральном сопротивлении», которое они тем не менее готовы им оказывать.

Самый эффективный способ, как можно было бы ускорить выход российской институциональной системы из ловушки размытой нелегитимности, — это сделать так, чтобы конфликты по поводу собственности перестали везде и всегда разрешаться в пользу «сильных» и в ущерб «слабым». Серьезных подвижек в направлении легитимации крупной частной собственности можно так никогда и не дожидаться, если в массовом порядке все так же будет идти снос индивидуальных гаражей; если охранные структуры застройщиков все так же будут прибегать к силовым действиям по отношению к жителям близлежащих домов; если строительные фирмы, занимающиеся возведением коттеджных поселков, все так же будут угрожать поджогами владельцам окрестных дач и т.д. Одним словом, до тех пор, пока отношения по поводу собственности между «сильными» и «слабыми» не станут хотя бы отдаленно напоминать *fair play*, люди будут постоянно продолжать возвращаться к негативному приватизационному опыту 1990-х гг. И в таком случае состояние размытой нелегитимности, в которое оказались погружены российское общество и российская экономика, будет еще долго сохраняться и воспроизводиться.

Приложение

Существует не слишком обширный, но быстро растущий поток литературы, где предпринимаются попытки оценить эмпирически, от чего зависит восприятие тех или иных конфигураций прав собственности как легитимных или нелегитимных. В наиболее развернутом виде такой подход представлен в исследовании Р. Дача и Г. Палмера, на чьи выводы я уже ссылался раньше при обсуждении вопроса о возможных основаниях легитимности¹. В своем анализе они опирались на данные специального обследования, проведенного в 2000 г. в Бенине. В ходе этого обследования респондентов просили высказать свое отношение к различным гипотетическим сценариям, которые могли бы возникнуть в том случае, если бы власти приняли решение экспроприировать земельный участок, принадлежащий некоему человеку (в опроснике этот персонаж фигурировал под условным именем «Мишель»). Все множество сценариев задавалось тремя предполагаемыми развилками: 1) вариант «участок был честно приобретен с соблюдением всех требований закона» против варианта «участок находился в заброшенном состоянии и был занят путем самозахвата (сквоттерства)»; 2) вариант «в течение пяти лет после получения участка на нем были произведены значительные улучшения» против варианта «в течение пяти лет после получения участок не обрабатывался и никаких улучшений на нем произведено не было»; 3) вариант «власти решили забрать участок, чтобы построить там водонапорную башню для снабжения окрестных жителей пресной водой» против варианта «власти решили забрать участок, чтобы возвести там штаб-квартиру правящей партии».

В общей сложности это дает восемь альтернативных сценариев. Отношение к ним респондентов оценивалось по нескольким показателям, значения которых приводятся в Таблице П1. В колонке (4) показана доля опрошенных, выразивших свое «полное» или «практически полное» несогласие с решением властей об экспроприации; в колонке (5) — доля опрошенных, признавших право собственности «Мишеля» на земельный участок «абсолютным»; в колонке (6) — доля опрошенных, расценивших решение об экспроприации участка в качестве «очень сильного» нарушения законности; в колонке (7) — доля опрошенных, посчитавших, что в случае экспроприации власти обязаны выплатить компенсацию в одинарном или даже двойном размере по отношению к фактической стоимости участка.

¹ Duch R.M., Palmer H.D. Op. cit.

Таблица П1. Оценки альтернативных сценариев, связанных с решением властей об экспроприации участка (Бенин, 2000 г., % от общего числа ответивших)*

Альтернативные сценарии			Несогласие с решением властей	Признание права собственности на участок абсолютным	Серьезность нарушения властями законности	Величина компенсации, которую обязаны выплатить власти
Имеется ли официальный титул собственности?	Вносились ли в течение пяти лет улучшения?	Что власти собираются построить на участке?				
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Нет	Нет	водонапорную башню	9,5	6,7	5,7	36,4
Нет	Да	водонапорную башню	19,6	9,8	8,2	49,3
Нет	Нет	штаб-квартиру партии	36,2	18,3	20,9	36,2
Нет	Да	штаб-квартиру партии	54,0	24,4	26,8	49,1
Да	Нет	водонапорную башню	33,2	40,8	29,8	77,9
Да	Да	водонапорную башню	50,7	49,1	36,8	86,4
Да	Нет	штаб-квартиру партии	69,9	64,3	59,6	77,7
Да	Да	штаб-квартиру партии	83,5	71,8	66,9	86,3

Источник: Duch R.M., Palmer H.D. Op. cit.

* N = 1513.

Примечание: кол. (4) — доля выбравших из пяти возможных вариантов ответа варианты «не согласен» или «полностью не согласен»; кол. (5) — доля выбравших из четырех возможных вариантов ответа вариант «обладает абсолютным правом»; кол. (6) — доля выбравших из четырех возможных вариантов ответа вариант «очень сильное нарушение»; кол. (7) — доля выбравших из шести возможных вариантов ответа варианты «полную стоимость участка» или «полную стоимость участка в двойном размере».

Какие же из трех учтенных в анализе факторов — соблюдение/несоблюдение «правил игры», эффективное/неэффективное использование собственности, предоставление/непредоставление общественных благ — оказывают наибольшее влияние на восприятие людьми собственности как легитимной или нелегитимной? Из приводимых в Таблице П1 оценок выстраивается достаточно четкая иерархия. Первое место с большим отрывом занимает фактор соблюдения «правил игры»: различия в оцен-

ках между вариантами, связанными с занятием участка на полностью законных основаниях или с его занятием путем сквоттерства, достигают 40–50%. На втором месте — фактор предоставления общественных благ: различия в оценках между вариантами, предполагающими строительство штаб-квартиры правящей партии или строительство водонапорной башни, составляют 10–20%. На самом последнем месте оказывается фактор эффективного использования собственности: в большинстве случаев различия в оценках между вариантами, связанными с внесением значительных улучшений и с отсутствием каких-либо улучшений, не превышают 5–10%.

Еще один чрезвычайно важный и интересный результат, полученный Р. Дачем и Г. Палмером, состоит в том, что представленная иерархия факторов, как оказалось, почти никак не связана с индивидуальными характеристиками респондентов. Другими словами, мужчины и женщины, старые и молодые, образованные и необразованные, городские и сельские, богатые и бедные воспринимают проблему легитимности собственности практически одинаковым образом.

Близкое по формату исследование было выполнено Т. Фраем на выборке из около 700 российских менеджеров². Участникам опроса предлагалось рассмотреть гипотетическую ситуацию с приватизацией некоего промышленного предприятия и высказать свое мнение о том, в каких случаях решение о его приватизации следовало бы пересмотреть в судебном порядке. Оценке подлежали альтернативные сценарии, которые могли бы возникнуть на пересечении трех следующих развилок: 1) вариант «при приватизации были допущены крупные нарушения» против варианта «при приватизации были допущены мелкие нарушения»; 2) вариант «предприятие при новом собственнике работало эффективно» против варианта «предприятие при новом собственнике работало неэффективно»; 3) вариант «предприятие предоставляло общественные блага жителям региона» против варианта «предприятие не предоставляло никаких общественных благ».

В Таблице П2 для каждого из восьми возможных сценариев показана доля респондентов, которые на вопрос о том, должны ли результаты приватизации данного предприятия быть пересмотрены в судебном порядке, дали ответы «да» и «скорее да». Поразительно, что хотя в отличие от работы Р. Дача и Г. Палмера исследование Т. Фрая относилось не к развивающейся, а к переходной экономике и строилось не на массовом

² Frye T. Original Sin, Good Works, and Property Rights in Russia // World Politics. 2006. Vol. 58. No 4.

опросе, а на опросе руководителей предприятий, выявленная в нем иерархия факторов легитимности выглядит практически идентично. И в российском случае наиболее значимым из них оказалось соблюдение установленных «правил игры», следующим по значимости — предоставление общественных благ и, наконец, наименее значимым — эффективное использование собственности.

Таблица П2. Как Вы считаете, следовало бы пересмотреть в судебном порядке решение о приватизации предприятия? (2005 г., % выбравших из четырех возможных вариантов ответа ответы «да» и «скорее всего, да»)*

Альтернативные сценарии	Предоставление предприятием общественных благ		Непредоставление предприятием общественных благ	
	эффективное руководство предприятием	неэффективное руководство предприятием	эффективное руководство предприятием	неэффективное руководство предприятием
Крупные нарушения при приватизации	48,0	61,5	69,0	71,8
Мелкие нарушения при приватизации	22,8	33,5	33,1	36,2

Источник: Frye T. Op. cit.

* N = 660.

Из того факта, что в странах, имеющих разную институциональную структуру и находящиеся на разных уровнях экономического развития, соотношение между факторами легитимации собственности оказывается сходным, можно сделать, по меньшей мере, два важных вывода — один более частный и другой более общий. Начнем с первого. Как показывают оценки, приводимые в Таблицах П1 и П2, предоставление собственником какого-либо актива общественных благ является хотя и значимым, но все же далеко не определяющим «фактором легитимности». Это дает основания полагать, что надежды многих российских экспертов на то, что постприватизационная структура собственности может обрести искомую легитимность за счет усиления «социальной ответственности» бизнеса (будь то покупка яиц Фаберже, благотворительные проекты или что-либо иное), в значительной мере иллюзорны. Безусловно, в таком случае ее неприятие может несколько снизиться, но смениться «приятием» оно все равно не сможет.

Другой, более общий и более спорный, вывод состоит в том, что ядро представлений о «честной игре», а значит, и о легитимности собственности, по-видимому, не является культурно-специфическим. В совре-

менном мире эти представления, как и думал А. Смит, имеют тенденцию конвергировать и оказываться достаточно близкими в самых разных странах — и в развитых, и в развивающихся, и в постсоциалистических. Если бы это было не так, то тогда добровольное взаимодействие представителей разных наций и разных культур (прежде всего — экономическое) стало бы практически невозможным. Предположение о культурно-неспецифическом характере ядра представлений о «честной игре»³ означает, что если бы мысленный эксперимент с проведением опроса среди граждан США, который подробно обсуждался в одном из предыдущих разделов, все-таки состоялся, то мнения американцев и россиян по поводу российской приватизации и ее результатов действительно почти бы совпали.

*Препринт WP3/2008/03
Серия WP3
Проблемы рынка труда*

Капелюшников Ростислав Исаакович
Собственность без легитимности?

Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Отпечатано в типографии ГУ ВШЭ с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,3.
Усл. печ. л. 2,3. Заказ № . Изд. № 857.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

³ Однако периферию этих представлений вполне могут определять именно культурно-специфические факторы.

Для заметок

Для заметок

Для заметок
